

районов Малой Азии и на островах (например, о-ве Хиос). Основой композиционных решений была развитая крестово-купольная система в ее «сложном» варианте. Но она не была застывшей и окостеневшей. На протяжении XI—XIV вв. в ней прослеживается несомненная эволюция, в которой особенно проявились две тенденции — к максимальному объединению внутреннего пространства и повышению пропорций, к усилению вертикали в общей компоновке масс. То и другое было наиболее выразительными свойствами слагавшегося тогда нового архитектурного стиля.

В прямой зависимости от основных принципов собственно архитектурной композиции находились и те изменения, которые претерпевало понимание архитектурной плоскости, архитектурного фасада. Суть этих изменений сводится, как известно, к выработке системы каркаса здания в виде шестнадцати столбов, при которой стены становятся лишь заполнением промежутков между ними. Следствием этого явились конструктивные и художественные изменения. С одной стороны, усилилась роль основных устоев каркаса, выступающих на фасаде в виде лопаток или даже полуколонн, с другой — соединявшие столбы-устои стены утончались и низводились до второстепенной части храма. С течением времени эти изменения неизбежно прогрессировали: оконные проемы стремились умножить, их расширяли и делали тройными (трехчастными). Стены благодаря этому приобретали ажурность. Вместе с тем профили устоев и обрамления (оконных и входных) все более усложнялись, они стали уступчатыми: стены как бы отодвигались на второй план, создавалось впечатление перспективы, которая вместе с множеством широких проемов сводила на нет цельность и монолитность фасада, усиливала его свето-теневые контрасты.

Новые явления в развитии византийской архитектуры особенно бросаются в глаза при сопоставлении ее с резко контрастирующей архитектурой ранневизантийского времени, для которой характерен монолитный и сплошной, глухой и аскетичный фасад, лишь слегка расчлененный, нарочито скрывающий внутреннюю, нередко сложную структуру (например, церковь Сергия и Вакха в Константинополе), притом фасад, почти лишенный декора. Эту традицию продолжала и крестово-купольная архитектура столицы VIII—IX вв. (Поль Джамии, Календер Джамии, Атик-Мустафа Джамии).

Новая трактовка архитектурного фасада, о которой говорилось, начала проявляться уже в начале X в. (если не в конце IX в.): она была порождена новой, сложившейся к тому времени архитектурной композицией. Уже в упомянутом храме монастыря Липса 908 г. стены, отделяющие наос от галереи, были сплошь прорезаны проемами (аркадами и окнами), почти не оставляющими места для архитектурной плоскости. Зодчий явно избегал ее, словно стремясь слить пространство самого храма с его окружением. Эти ажурные стены в храме Липса принадлежали еще ин-терьеру, но вскоре их как бы перенесли наружу. Они стали архитектурным фасадом. Процесс этот шел нарастающими темпами.

Уже через столетие в церкви Панагии Халкеон в Фессалонике (1028 г.) эта система глубокого расчленения стен с возникающими благодаря ей свето-теневыми контрастами, иначе говоря пластическая разработка фасадов дана уже во вполне развитом и, можно сказать, законченном виде. Стена во всех ее звеньях, отодвинутая вглубь, была трактована как заполнение основного каркаса здания, причем и само это заполнение было не менее глубоко расчленено трехступчатым в профиле «перспективным» обрамлением окон, наполняя фасады целым каскадом тяг. Это был второй план членений. От монолитного фасада не осталось ничего: он теперь полностью отражал интерьер храма, а не изолировал его. Зодчие явно стремились к тому, чтобы храм можно было созерцать не только изнутри, но и снаружи.

Еще лучше эти архитектурно-художественные тенденции заметны на последнем этапе развития византийского зодчества — в XIII и XIV вв. Оно оставалось верным выработанным в X—XII вв. принципам, но вместе с тем наблюдались и некоторые новые явления: во-первых, усложнение ритма в разработке фасада, во-вторых, отход от установившейся схемы и стремление придать индивидуальность архитектурным произведениям, в-третьих, обилие и разнообразие декора. Как образец этой архитектуры показателен южный храм монастыря Липса (Фенариса; 1282—1304), восточный фасад которого резко отличается от смежного храма 908 г. прежде всего обогащенным ритмом с чередованием плоских и глубоко впадающих в стену